

О'шадзи



EM

Олег Шадрин

Слав'

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44

Шадрин О.

Сплав' / О. Шадрин — «Aegitas», 2020

ISBN 978-0-36-940314-8

Летний сплав по Уральской реке. Что может быть лучше?! Особенно если в нем участвует команда Пермских приколистов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44

ISBN 978-0-36-940314-8

© Шадрин О., 2020
© Aegitas, 2020

Содержание

Интересное предложение	6
Отъезд	8
Сборы	10
Презентация	12
Начало пути	14
Попутчик	15
Пикничок	16
«Пилорама»	18
В Чусовом	19
Дорога к реке	21
На берегу	22
Катамараны	28
Первый заплыв	30
Резинка	31
Инструкция по плаванию	35
Гонки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

О'Шадри Сплав'

юморная повесть

© О. А. Шадрин, 2019

© РИЦ «ИнфорЭМ», 2019

©Издательство «Aegitas», 2020

*Выражаю благодарность за выпуск книги «Деды в индиго»:
издательскому сервису Aegitas,
лично Эрнсту Хачатуряну.*

* * *

- А зачем шуба-то? – удивился Кисельков.
- В пещере, знаешь, как холодно? Или ночью в палатке? Кол-л-л-отун! – уверенно мотивировал наличие шубы Бычков.
- Фу, а я думал, у вас спальники заготовлены. Да к тому же разгар лета...

Интересное предложение

Не вышло и трех дней, как Шура Киселькову, отбарабанившему в июне одномесячные лагерные сборы, понадобилось наведаться в отделение «Дуби-банка», что на проспекте: поднять с банковской карты немного денег. И надо случиться, встретил он в тех же местах своего бывшего одноклассника Жорика-Жореса Бычкова.

– Какими течениями к нам? – обрадовался появлению старого знакомого Бычков.

– Деньжат вынуть для летнего отдыха. С родительского картофана.

– Сам где? – поинтересовался Жорик.

– В университете. Ты?

– После армии здесь тружусь, в банке, охранником... Слушай, а где думаешь отдохнуть летом?

– Пока н'знаю, – замялся Шура. – Вероятно, настроюсь на Питер – ни разу не был. У Лехи-старшего, моего кореша-однорупника, там тетка живет.

– Э-э-э, не там ищешь. Не там! Святой Пит подождет. Он стоял триста лет, еще три тыщи стоять будет, а вот сплав по уральским рекам в июле – это да! Наши там уже четыре года барахтаются и в диких восторгах. Пока еще вода чистая.

– Пожалуй, ты прав! – неожиданно загорелся Кисельков. – Мы-то с Лехой-старшим и Андрюковым в августе в Северную Пальмиру собрались, а в июле, стало быть, делать нечего.

– Короче, готовь бабки – всего по пятерке с носа! и ты в команде. Поспособствую. Давай телефон.

Шура записал на клочке бумаги номер своего мобильного и адрес электронной почты.

– О'кей, – тряхнул головой Жорик, пряча в карман бумажку. – Кто где из наших? Сеньку «Отважного» не видел?

– Слышал, что Важник окончил профлицей по специальности швея-моторист, а далее поступил на работу в кулинарный колледж. Но самого не встречал.

– А Иришку Скорцову?

– Классную фотомодель? Говорят, в Москве или Лондоне. Одно из трех...

В это время к крыльцу подъехал черный внедорожник и Жорик опрометью бросился открывать заднюю пассажирскую дверь.

– Всё, пока, созвон! – сымитировал он пальцами телефонную трубку у уха...

Ровно через пару дней Бычков набрал Шуру:

– Как? Готов к всплытию?

– В целом, да. Родители подмогли. В целом.

– Тогда слушай сюда! Экипировка по списку. Список на электрошке. Нашел? Йес? Зачитал?

– А зачем шуба-то? – удивился Кисельков.

– В пещере, знаешь, как холодно? Или ночью в палатке? Кол-л-л-отун! – уверенно мотивировал наличие шубы Бычков.

– Фу, я думал, у вас спальники заготовлены. Да к тому же разгар лета.

– Харэ. Шубу вычеркни, – дал задний ход Жорик. – Это по весне сплавливались... тогда... в прошлом году... без меня. Вместо нее возьми накидку. Непромокаемую. Вот так... Хотя нет, шубу тоже оставь.

– ??

– Да для понту, в конце-то концов! Для новичков ритуал такой!

– А как я с шубой таскаться по скалам буду. Туристов пугать? Глядишь, еще пристрелят какие-нибудь охотнички, приняв за медведя.

– За то не волнуйся: оставишь до окончания сплава в автобусе! На обратном пути забереши.

– А еду? Еду брать?

– Уймись ты! Еды и напитков будет немеряно! Турфирма в купе с банком обеспечит от пуза... Не забудь накидку! – еще раз напомнил Бычков. – ...И шубу! Покажи себя. Изобрети что-нибудь хлесткое. Влейся в компанию!

Распечатав список, Шура бросился по магазинам спортивного инвентаря. Там, естественно, как обычно: лежит всякий неликвид, а что нужно – днем с огнем не сыщешь.

– Накидки есть?

– У нас все по оптовым ценам, никаких накидок, – обиделась продавщица.

– Я про плащевую накидку, – настаивал на своем Кисельков.

– А, вона че! Нема твоих накидок, бери «пончик».

Цена, правда, кусается, но делать нечего. Шура взял пончо. Непромокаемое. Из синтетической ткани.

В остальном экипировка была завершена: сланцы по острым камням прыгать, кепарик, чтобы голову не напекло, солнцезащитные очки, крем для и от загара, плавки, шорты, еще шорты и еще шорты. Одним словом, «шорт-лист». Насчет шубы тоже появилась одна идея.

Отъезд

В означенное время два новеньких автобуса-«Мерседеса» ждали туристов на парковочной площадке, у центрального офиса «Дуби-банка». Подле них выстроилась разношерстная масса гражданских лиц в окружении рюкзаков, чемоданов, баулов и сумок. В центре толпы стояла представительница турагентства «Уральский змеелов», организатора сплава, миловидная девушка в мини и черных очках на пол-лица.

В руках она держала планшет со списком, в котором отмечала присутствующих согласно купленным путевкам.

– Господа, соблюдаем порядок погрузки! Очередность, господа!

Следуя этому «порядку», в салон первой машины охранники сначала втиснули четыре ящика водки.

– Не маловато будет? – зачесал репу завхоз Семыч и сам себе ответил. – Если что, позвонят по мобиле, пересечемся.

Еще четыре ящика закантарили пассажиры. Затем туристы стали заносить свое снаряжение. По нему сразу было видно, что сотрудники финансового учреждения – матерые волки-сплавщики.

А где охрана? Вот и она. Подъехал бронированный «Фольксваген» с надписью «инкассация».

С лязгом откатилась дверь, из которой гуськом выползли дюжие мужички. Они-то и выволокли из спецмашины сейф, а уже оттуда со всеми почестями, точнее, «по частям», выудили начальника охраны – «отсыпался после тревожного дежурства». Одет он был в дорогой черный костюм, а в руках окоченело сжимал пистолет. Профессионал! Одно слово!

– Куда его?

– Лучше на крышу. Пусть проветрится и в себя придет к началу сплава.

Сказано-сделано.

Начальника подняли на крышу одного из микроавтобусов и там надежно зафиксировали транспортировочными ремнями.

– Оружие где? – на секунду очнулся главный охранник и приподнял лохматую голову.

– В руках держишь, – успокоили товарищи, после чего их шеф повторно отключился.

Теперь, кажется, все туристы в сборе.

Миловидная девушка в мини пересчитала присутствующих, задорно сверкнула крутыми загорелыми бедрами (сама-то, небось, на Ямайке чалилась):

– По ведомости двадцать девять, в наличии – двадцать восемь. Кого-то нет. Что ж, придется еще немного подождать. Теперь можете рассаживаться по своим местам. Или по стойте на улице, подышите воздухом.

– Раз надо – потерпим чуток, – согласился Гогуа Ревазович, профессор медакадемии, глядя на стройные формы симпатяшки, после чего вплотную приблизился к сотруднице «Уральского змеелова».

– Позвольте, мадемаузель, ваш личный телефончик. Запишите вот здесь в уголке, – вкрадчиво зашептал он.

– Зачем вам?

– Благодарность хочу написать. Адресно. Конкретно. За прекрасно исполненную работу. Девушка черкнула номер.

– Имя?

– Лучше назовите вслух, у меня прекрасная память.

– Наталья.

– Уже запомнил! До встречи-и-и, – игриво произнес Гогуа и отошел в сторонку, приписав на бумажке: «ПериНАТАЛЬная пупочная грыжа, очень операбельна! Середина июля».

Немногочисленные провожающие давали напутствия:

– Ты смотри там по скалам не ползай, а то сорвешься, знаю я тебя верхолаза.

– Позванивай.

– Не передай...

– Если утонешь, лучше на глаза не показывайся!

– Да там мелко. К тому же все в спасательных жилетах... Ты даже, когда я цветы поливаю на балконе, привязываешь меня бельевой веревкой к радиатору отопления!

Время перевалило одиннадцать часов и неумолимо приближалось к отметке 11.10.

– Всё, давай, поехали, – теребили сотрудники водителей.

– Одного же нет!

– Семеро на четыре одного не ждут!

– Надоело стоять на жаре!

– Еще секундочку, – умоляюще просил Жорик.

– Кто так опаздывает? – негодовали банковские работники.

– Вот-вот должен подойти, – смущенно отвечивал Бычков.

– Видать, начальница отдела пластиковых карт обещала? – шушукались туристы. – Или второй зам? Вечные тормозилы.

Внезапно из-за угла двадцатиэтажного офиса банка стремительно вынырнул Шура в полной экипировке.

Все открыли рты от изумления:

– Это что за чучело?!

Сборы

Собираясь в дорогу, Кисельков долго осмысливал предложение Бычкова «показать себя». Тот советовал появиться перед остальными туристами в шубе. Но где ее взять: «У брата? Мала. Не влезу. У маменьки? Норковую? Исключено: скандала не избежать. Пуховик отца? Сочтут за неадекват. Шуба-шуба-шуба... О, есть одна идея!»

И Шура рысцой направился комнату деда. Тот в молодости был археологом-полярником. В качестве бесценного трофея у деда на стене висела волосатая шкура карликового мамонта «Димы». С бивнями. Буро-рыжего цвета. Но, сдается, то была тонкая имитация из нейлона. Какая, впрочем, разница! Дед любовно называл ее «Киргиляша».

Летом дед пропал на даче, поэтому отсутствие экспоната никак бы не отразилось на эмоциональном и физическом состоянии Шуры.

Чтобы шкура не спала, Кисельков подпоясал ее солдатским ремнем, которым его нещадно лупцевал в детстве за непослушание тот же самый дед. Вызвал такси к самому подъезду – не соседей же пугать. При выходе сверху накинул пончо, которое тут же сбросил в салоне.

– На карнавал-маскарад, – озвучил он легенду водителю, – по случаю Всемирного дня уфолога. Буду пришельца изображать.

Таксист на всякий случай принял успокоительное (китайскую курительную смесь). Всегда держал под рукой. Пассажиры разные бывают.

Слегка придя в себя после шока, водитель недоверчиво покосился на Киселькова:

– Ты, часом, не из краеведческого музея сбежал? Чучелом там не работаешь?... Живым? А то разные промоутеры по улицам шастают и буклеты раздают: кто самоваром нарядится, кто ботинком, кто градусником. И вообще, по городу ездить – одни нервные расстройства. Не далее как в прошлом месяце ко мне питон из террариума прибудился. Заполз, гад такой, в багажник. Я на смене. Ночной. Проколот шинку. Поставил запаску. Накачал через компрессор. Поработал еще часа три, потом домой. Утром выяснилось – змея на ободке. А я-то думаю: «Почему машину ведет?» Хотел уже поехать на «развал-схождение»... За попорченную шкуру питона (ободрал при резком торможении) вычли из премиальных. Всей конторы!

– Я же сказал: еду на карнавал-маскарад! – упрямо повторил Шуран.

– Вещиц у тебя, смотрю, немного, – окончательно успокоившись, продолжил разговор таксист. – Держи сумку на коленях. В багажнике битком, под завязку. Кстати, не сильно торопись, если заедем в одно место? По пути разгрузиться надо. Развожу гостей после свадьбы: двое – в багажнике калачиком; трое – поперек в районе заднего сиденья лежат.

– Успеем к одиннадцати?

– Само собой!

И таксист газанул по прямой.

Минут через пять он вырулил в чей-то двор. Там уже его с нетерпением поджидала разномастная толпа.

– Где мой жених?! – рыдала невеста.

– Кажись, там, – почесал затылок водитель.

Жениха вытащили из багажника.

– Упал туда сам, пока грузил своего свидетеля, – вспомнил таксист.

Из салона изъяли тестя и двух совершенно посторонних мужчин (вероятно, нахалышников).

Пока выясняли личности пассажиров, Шура решил проветриться. Выскользнул со своего места наружу. Толпа при виде живого мамонтенка разбежалась кто-куда... Оставив тестя, невесту, жениха и обоих свидетелей бездыханно лежащими на газоне.

Произведенным эффектом Шура остался доволен...

Презентация

- Это что за чучело?
- Кто такое?
- Снежный человечек, – показала эрудицию Элеонора Тушканчикова.
- Так перепить!
- Наш человек!
- Замэрз-з-з, эскимос! – одобрительно похлопал Шуру по плечу персональный водитель вице-президента Симон Вехотко, утирая пот с шеи, слезы с глаз.
- Тебе не холодно? – подмигнул мужчина в жокейке с гитарой наперевес и буцкнул аккорд.
- Не думал, что ты всё поймешь буквально, – восхитился Жорик.
- Накапать французского? – участливо расплылся в широчайшей улыбке весьма плотный человечек в тельняшке без рукавов и белой морской фуражке.
- Мигель Сабантуевич Голясов, – представился он.
- Алехандро Фиестович Кисельков, – в том же ключе ответил Шура.
- А я Глыба! – отрекомендовался мужчина в соломенной шляпе.
- Глыба чего? – уточнил Шура, посмотрев на хилую фигуру мужчины.
- Астролог Глыба, – точнее уточнил мужчина. – Сотрудничаю с валютным отделом и отделом ценных бумаг.
- Результативно? – спросил Кисельков.
- Еще как! – расцвел Голясов. – Тренды определяет безошибочно.
- Лана, – протянула ладошку симпатичная черноволосая девушка – бухгалтер.
- Ладно, Шура, – откорректировал свое имя Кисельков, – студент.
- Симон.
- Шурон.
- Леопольд, – еле заметно повел бровью начальник охраны с крыши.
- Шурольд.
- Гурген.
- Шурен.
- Радик.
- Шурик.
- А что, кроме меня, еще кого-то из аниматоров пригласили? – на всякий случай скуксился массовик-затейник с гитарой Радик (которого впоследствии Бычков окрестил как «Маэстро»).
- Это мой однокашник, – гордо хрюкнул Жорик. – Свой парень! Просто он прикольный!!
- Я тебе почетное место забронировал. Рядом с собой! – хлопнул Бычков по плечу друга. Шура уселся на переднее сиденье у окна и стал задавать Жорику наводящие вопросы.
- Кто вон тот веселый толстяк? Кажется, Мигель? – повернул голову Шура в сторону здоровяка.
- Вице-президент. Здесь у нас – самая важная персона, – понизил голос Бычков.
- По заданию учредителей или такой же экстремал, как и я? – изрек вопрос Кисельков.
- Долгая история. Потом как-нибудь расскажу, – опасливо завертел головой охранник. – Потом. Всё потом.
- Чтобы не подхватить тепловой удар, Шура сбросил свой маскарадный костюм, и тот испустил мощный выброс пара. В салоне автобуса образовался густой туман.
- Водитель автобуса подумал, что от жары, пока стояли на солнцепеке, вскипел тосол в радиаторе, и бросился открывать капот.

– Уф, напугал, чертяка! – повернулся он в сторону Киселькова, когда снова уселся за руль.

– Вот теперь все! – пришла в себя после легкого обморока девушка из «Уральского змеелова». – Ровно двадцать девять.

– Трогай! – крикнула она водителям.

Автобусы медленно стали разворачиваться в сторону центрального проспекта. Предстояло проехать практически через весь город. Хорошо, что в воскресный июльский день машин было мало: все на дачах, а кто – просто спит.

Начало пути

Дорога начиналась нормально. В автобусе, в котором ехал Шура с Бычковым, была полная веселуха. Один мужичонка всё время травил анекдоты, Радик брэнчал на гитаре какие-то самопальные песни, под которые другой мэн пытался изобразить твист, правда, периодически растягивался на полу. После очередной ямы на трассе. Коих было нестерпимо много. Или после резкого торможения перед перебегающими дорогу горожанами.

Трое играли в карты, знамо, на банковские вклады. Судя по отдельным возгласам, особенно, «мизер» (*нишцета – франц.*), клиентам банка в недалеком будущем придется затянуть пояса потуже.

Позади Киселькова, наискосок у окна, сидел какой-то лысый дремучий дедок, враждебно зыркающий оком на всех и вся.

«Видать, почетный акционер банка», – подумал Кисельков и оказался прав.

– Это Иван Поликарпович Кофейня, – пояснил Жорик, – постоянный клиент и эксклюзивный вкладчик.

Сразу за Кофейней астролог Глыба что-то вычислял в своей тетради с помощью логарифмической линейки, вероятно, характеристики звезд: их диспозицию, оппозицию и экспозицию. Возле него устроилась Лана, а справа от нее, через проход, очевидно, ее отец: южный красавец с волнистыми черными волосами, подернутыми легкой сединой, Гогуа Ревазович. Рядом у окна расположилась Настя, дочь персонального водителя вице-президента Симона Вехотко. На голове девушки была огромная соломенная шляпа с полями, из-под которых струились длинные каштановые волосы. Прикрывали лицо большие солнцезащитные очки.

На задних сиденьях раскинулся сам Мигель Сабантуевич: он один занимал сразу два посадочных места. Его охраняли Гурген и еще один крепкий мужчина.

– А кто этот «танцор диско» в очках? – дернул за рукав футболки Жорика Кисельков.

– Если не ошибаюсь, Алик Фраерман, экономист.

– А юморист?

– Ха, известный кадр, Валера Сутягин, начальник отдела ценных бумаг.

– А вон те игроки?

– Помоложе, – Элеонора Тушканчикова, жена начохра; в яркой блузке – Янина Люциферовна, главбух; а третья, по-моему, Хельга Ивановна, управляющая каким-то филиалом.

– А напротив? Что за мэн?

– Я не всех еще знаю, сам работаю всего-ничего, сдается, из валютного отдела.

Попутчик

Напротив Шуры и Жорика развалился какой-то мужичок с дипломатом.

«Классический топ-менеджер», – подумал Кисельков.

Мужичок веселился со всеми. Пел и пил. От души. Часа через полтора визави внезапно засуетился. Стал озираться по сторонам. Мол, «не узнаю дорогу».

– Где едем? Вдоль реки? Какой? Куда?

– Мы? Направляемся сплавливаясь по Чусовой, а вы?

– Я? Мне ж в Карагай надо! Позарез! Жена рожает!!

– О, это совсем в другую сторону.

– Ты, друг, в наш автобус приземлился. Ведомственный. Который стоял у дверей «Дуби-банка». Чем смотрел?

– Банк?? А я думал, автовокзал. Народу возле здания много толпилось с кошелками.

– То толкались наши вкладчики, срочно снимали валюту перед возможным дефолтом, а, не исключено, собирались в популярные зарубежные туры. На дворе ведь лето!

– Но у вас за лобовым стеклом торчала вывеска «Пермь-Карагай».

– По всем вероятностям, спрос с водителя, ранее обслуживавшего карагайский маршрут и внезапно снятого с рейса, вывеску с собой таскал, чтобы не дюзнули конкуренты.

– Товарищ, поздно пить боржомом! Расслабься. Доедешь до Чусового, там возьмешь такси и успеешь к самым родам.

Перспектива возвращаться на такси «товарища» как-то особо не вдохновила. Он заскандалил. Хотел изменить маршрут. Принудительным порядком. Попытался завладеть рулевым управлением. Почти удалось. Пока делили с водителем руль, вырванный с мясом из рулевой колонки, автобус чуть не съехал в кювет. Туристы были вынуждены разбудить охрану (с трудом), и та кое-как скрутила дебошира.

Здесь произошла непредвиденная задержка, так как минут тридцать водитель затратил на ремонт микроавтобуса.

Незадачливого попутчика (от слова «попутал») пришлось сначала связать и заткнуть кляпом рот, а впоследствии сдать в медицинский вытрезвитель в Чусовом.

Попутно в данном учреждении останется и один из охранников. Но не для выполнения служебных поручений... Просто местные милиционеры определяют у него крайнюю степень опьянения: он не сможет разжать руки после боевого захвата. Кроме того, у него обнаружатся нештатные деньги.

Пикничок

Проехав километров семьдесят-восемьдесят, туристы подустали от дороги и загоношились:

– Пора делать привал! Зеленую остановку. Закусить чего-нибудь. И выпить!.

– Неплохо бы выйти, подышать воздухом! – скульнул Бычков.

– Да, неплохо бы! – согласился Голясов и кинул в перегородку водителя раковину от устрицы. – Эй ты, тормозни!

– Не волнуйтесь, в течение пяти минут я подвезу вас к чудесному местечку! – испугался шофер.

Водитель первого автобуса знал, что скоро будет отворот на Верхнечусовские городки. Прошло три минуты, и он круто свернул вправо на развилке, где болтался указатель «д. Красная горка».

Еще пара минут, и автобус вырулил на травяную площадку, окруженную высокими зарослями.

– Отпадная полянка! – возликовал Шура.

Из дверей «трясогузки» (по определению Валеры Сутягина), как горох, посыпались пассажиры, женская часть с визгом бросилась к кустам борщевика, мужская оседлала колеса.

– Коллективный «выезд», – заметил скучающий на обочине гражданин.

– Сколько нас всего? – дернул за рукав Шура Бычкова.

– Около тридцати «сабель».

Когда вся толпа распределилась по полянке, Шура хорошенько разглядел туристов. С помощью Жорика вычислилось, что самих банковских было человек двадцать и человек семь баласта типа Шуры, потому что не все работники финансового Олимпа, привыкшие к Гоа и Мальдивам, способны вынести тяготы экстримного отдыха.

Было много молодых девушек, примерно столько же женщин и с десятков разновозрастных мужчин. Соотношение 3:1. Впрочем, это банк, а не милиция, хотя и там с такими темпами феминизации в недалеком будущем также возможно подобное соотношение полов.

Затем Кисельков огляделся вокруг. Место живописное. Впереди в километре на горе высились строения женского монастыря.

Охранники вынесли из автобусов накрытые салфетками подносы и предложили всем бутерброды с черной икрой.

«Неплохое начало, – подумал Шура. – Если так будут весь поход кормить – выпишем благодарность Жорику».

После опустошения первых подносов появились следующие: тарталетки с морепродуктами и прочие всяко-разные деликатесы. Само собой сухое вино в хрустальных фужерах.

Мигель Сабантуевич взял с персонального подноса холеной рукой с большущим переливающимся всеми красками радуги перстнем на мизинце бокал с французским коньяком и протянул студенту.

Кисельков замялся, так как кроме пива и то по праздникам спиртного не употреблял.

– Я в завязке. Временной, – нашелся он.

Голясов вежливо не поверил, но после паузы выпил предложенный бокал сам.

При этом он умудрился настучать по рукам Жорика Бычкова, собиравшегося тоже откусать «Мартель» со словами:

– А кто нас охранять будет? Дядя Вася? То-то.

Жорик обиженно надул губы, но стал старательно поворачивать голову во все стороны, пытаясь обнаружить невидимого врага, и даже подбежал к кустикам, которые якобы подозрительно шевелились.

- Всё чисто – отрапортовал Бычков.
- Продолжай вести скрытое наблюдение! – приказал Мигель.
- Он у нас ваще строгий, – шепнул Жорик приятелю...

После фуршета Шура слегка заморил червячка и решил для себя: «До реки дотяну».

- Крутой у вас банк, – заворуженно обвел взглядом Кисельков всю компанию.
- А то!

Вынув кляп, напоили и накормили «отца-попутчика», не ровен час, подавится слюной, наблюдая за пиршеством!

После кормления «с ручки» кляп затолкали обратно:

- Не бузи!

...Только сейчас Шуран заметил, что на крыше первого автобуса, кроме начальника охраны (он даже не проснулся!), была горизонтально закреплена какая-то деревянная мачта, похоже, армейская антенна. На самом конце ее висел красный флажок. Всё правильно – меры дорожной безопасности.

Шура вспомнил, как недоумевали обгоняющие микроавтобус водители: «Что за лесовоз?» Очевидно, антенна была предназначена для экспресс-связи вице-президента с головным офисом банка, чтобы оперативно осуществлять финансовый мониторинг валютных операций в учреждении или для передачи информации о координатах, самочувствии Голясова или же для получения прогнозов погоды.

Подойдя поближе, Кисельков обнаружил, что на антенне болтался замызганный бельевой шнур, корковая пробка от портвейна, стограммовая гирька и согнутый гвоздь. Всё это вызвало невольные ассоциации с рыбацкой удочкой.

- Что за цацка? – обратился Шура к Бычкову.
- Ах, это? Удочка Кофейни. Он без нее никуда. Сделана из цельного ствола осины.

Действительно, при дальнейшем приближении Шуран обнаружил, что рядом с удилищем пристроился гигантский подсачник. Не иначе, на кита.

- Что поделаешь? – пожал плечами Жорик. – У каждого здесь свои странности.

Диалог однокашников прервал зычный голос затейника.

– Господа, недалеко отсюда имеется родниковая купель. Предлагаю всем пройтись пешочком и там очиститься от городских соблазнов! – широко улыбнулся Радик.

Идея аниматора понравилась всем.

Банковские дамы дружно бросились в купель, несмотря на температуру воды близкую к нулю, причем без лишнего ханжества (т. е. одежды).

Напротив купели, справа, на горе красовались белоснежные строения «Женской пустыни».

- Мне бы туда! – мечтательно закатила глаза Элеонора Тушканчикова.
- И мне! и мне! – слышались женские голоса.

Радик, выполнявший одновременно роль главного экскурсовода, не на шутку испугался за сохранность коллектива.

– Монастырь временно не работает, – нашел он весомый аргумент. – Ремонт. Приезжайте сюда ближе к осени.

– А вон послушницы ходят! – ткнула пальцем Хельга Ивановна в толпу девушек в монашеском облачении.

- Это переодетые рабочие. С Киргизии, – проявил чудеса изобретательности аниматор.

– Хватить триндеть! Поехали дальше! – прикрикнул на туристов вице-президент, сообщив, что над банком нависла реальная угроза потери самых квалифицированных сотрудников, а для сплава – выносливых и безотказных гребцов.

«Пилорама»

Женщины очень неохотно заняли свои места в автобусах.

Для улучшения настроения Голясов приказал всем клюкнуть граммов по двести сухого вина.

Водители газанули. Проехали еще минут пятнадцать-двадцать, и вот справа от дороги показался указатель «Пермь-36».

Голясов удивленно уставился на водителя:

– Ты что плетешься как черепаха?! Мы уже три часа едем, а тут всё еще до областного центра рукой подать!

– Всего тридцать шесть километров отъехали? – запорхала ресницами Элеонора Тушканчикова. – Невероятно!

– Что кругами ходим? – возмутился Голясов. – Или дорогу не знаешь? А может, из-за того, что у тебя почасовая оплата, ты решил банк разорить? Лучше сразу признайся!

– Помилуйте! – испугался водитель. – Мы в тридцати километрах от Чусового, а это знаменитый на весь мир лагерь диссидентов. Летом здесь проводятся ежегодные международные фестивали правозащитников под названием «Пилорама». А название «Пермь-36» в свое время власти специально придумали, чтобы сбить с толку западные спецслужбы.

В доказательство к сказанному из кустов внезапно появились организаторы «Пилорамы». Они бросились к первому автобусу и, заскочив на ступеньку, протрубили:

– Мсье, вэрэ ю фром? (*Вы из какой страны к нам прибыли? – англ.*)

Видимо, их ввели в заблуждение автобусы-«Мерседесы».

– Фром Раша, Перм, – ответила также по-английски Лана.

– Из областного центра, но не к вам, – обратила внимание на собственную персону Элеонора Тушканчикова.

Голясов дипломатично расшаркался с представителями фестиваля, пообещав «непременное, непременное, непременное» (ага, ждите!) финансовое участие в следующем сезоне.

Те, однако, остались чем-то недовольны.

В Чусовом

Через некоторое время появились первые признаки Чусового, старинного города (1878), построенного на слиянии трех рек. Вид на город со стороны трассы весьма живописный: трубы заводов, отвалы горной породы, холмы, реки, утопающие в зелени дома и серпантины дорог.

– Щас завезем «попутчика» в вытрезвитель, из-за него, межеумка, такая задержка по времени, и во весь опор до катамаранов! – скомандовал Голясов.

Пока искали, куда сбегать связанного скандалиста прошло достаточно много времени. Всё-таки воскресенье да еще летом. Всем хочется отдохнуть. Наконец, на окраине города нашли дежурную часть и, поблагодарив служивых коньяком, тронулись дальше.

К сожалению, в милицейском участке пожертвовали еще и одним охранником (его сотрудники горотдела оставили для «выполнения процедурных формальностей – составления протокола» в качестве главного свидетеля).

Итого после потери охранника и «попаданца» состав будущих сплавщиков уменьшился до двадцати семи человек.

– Откуда вы надыбали сего чудика! – метал молнии Кофейня.

– Мы полагали, это зять Аблекимовны, – пожимал плечами Мигель Сабантуевич, – нашего учредителя.

– А кто у нас учредитель? – повернулся Шура к Бычкову.

– Да ты ее не знаешь, – отмахнулся Жорик. – Варвара Аблекимовна. Начинала, по слухам, простым челноком в Латвию. Туда медь, обратно нижнее белье. Одеда пол-Перми. При этом разула до нитки металлургический комбинат. Далее создала команду единомышленников, привлекла специалистов, и вот результат: самый крупный региональный финансовый центр.

Несмотря на фуршет, в Чусовой Кисельков приехал полностью голодный. Пока охранники сдавали незадачливого «попутчика» в местный вытрезвитель, Шура рыскал по близлежащим улочкам в поисках съестного. Наконец, ему удалось найти киоск, в котором продавали горячие чебуреки. Счастливый Кисельков уселся на свое место и достал выпечку из кулечка.

– Не поделишься? – посмотрел на Шуру голодными глазами Бычков.

Выходит, он также нагулял зверский аппетит во время поездки.

Кисельков сделал вид, что не заметил желания Жорика присоединиться к трапезе.

...Радик снова взялся петь под свою гитару, радуясь, что больше никаких заминок и остановок на пути к точке отплытия не должно было быть...

Шура широко открыл рот, но не от удивления, а от желания проглотить кусок побольше, и вонзился зубами в чебурек. Из выпечки во все стороны брызнул жирный мясной сок, причем сначала на аниматора, который зашелся в верхнем голосовом регистре и там и остался с открытым «забралом», полным мясного бульона, а затем на Кофейню, уделав того брызгами с ног до головы.

Затейник одномоментно подавился собственной слюной и вытянул голосом что-то невразумительное.

Кофейня же засыпал Шуру многоэтажными проклятиями. Чувствовалось, что всё его раздражение, накапливавшееся за время поездки, выхлестнулось наружу потоком сквернословия.

Шура, поглощенный поеданием чебурека, пропустил мимо ушей (они были попросту заложены хрустом собственных челюстей) колкости древнего старикана.

...Пока у Киселькова шла острая борьба за желудок, автобусы с туристами мирно проехали по Чусовому мимо старого кирпичного здания металлургического завода, миновали железнодорожный переезд, и дорога снова пошла круто в гору, вдоль выстроившихся в цепочку фур, которые из последних сил пытались выползти наверх.

– Зимой здесь вообще вавилонское столпотворение. Вытаскивают машины тягачами, – натужно просипел прокашлявшийся после бульонной атаки Радик.

– Вы, смотрю, здесь хорошо ориентируетесь, – откликнулся Алик Фраерман, в очередной раз наворачившись на пол.

– Так не вы первые, не вы последние у меня! – засмеялся затейник.

Дорога к реке

Через пару крутых спусков и подъемов шоссейное полотно разделилось надвое. Водитель свернул вправо на Горнозаводскую трассу.

Дорога стала значительно хуже, местами на асфальте возникали огромные ямы. Особо не разгонишься. Не доезжая несколько километров до районного центра, снова свернули направо, на грунтовку.

– Скоро доберемся! – широко улыбнулась Янина Люциферовна.

На лесной трассе ям было на порядок больше. Микроавтобусы болтало из стороны в сторону. Даже Алик прекратил отплясывать коленца твиста, достал из кармана очки и присел. Картежницы спрятали колоду. Радик тоже «заземлился».

Периодически на пути попадались гигантские лужи, и в них, казалось, утонуть проще простого.

Водители тут же останавливались, выходили и прощупывали дно водоемов шестами.

Но вот равнинная часть грунтовки закончилась, и дорога повела круто вниз.

– Мне кажется, нашим люксовым автобусам обратно не выехать, – заметил Шуран.

– Если только с помощью трактора, – усмехнулся Симон Вехотко, профессиональный водитель.

– Там есть объездной путь через брод, – вмешался в разговор Радик. – Но переправиться на противоположный берег возможно, если полмесяца не было дождей. Да и расстояние по екатеринбургской трассе значительно больше.

Снизу на полном газу показался «уазик». Чтобы уступить дорогу, автобусу ничего не оставалось, как круто свернуть вправо в лес и упереться почти в самый ствол сосны.

Маневр был настолько резким, что некоторые пассажиры очутились на полу.

Шофер встречной машины, напряженно вцепившийся в руль, лишь кивнул головой в знак благодарности.

Минут через двадцать заехали в Усть-Мойву. Поселок располагался террасами на скалистом склоне.

Кривуляли по узким улочкам зигзагом: где-то слишком крутой спуск, где-то дорога не вызывала доверия.

Чувствовалось, что водитель автобуса знал маршрут как свои пять пальцев, потому что уверенно резко поворачивал то вправо, то влево. От этого слалома у многих туристов началась морская болезнь.

Наконец, выехали на мост над рекой, которая находилась внизу, метрах в двадцати.

Туристам представился живописный вид: приветливо светило июльское солнце, голубело летнее небо, река искрилась перекатами, и повсюду, повсюду сновали разноцветные катамараны с туристами-сплавщиками.

– Вот это да!

– Красотища!

– Здесь?! – радостно заголосили туристы.

– Нам дальше, – откликнулся Радик. – Это еще не Чусовая.

– Сколько же еще колбаситься по ухабам? – взревел Голясов.

– Минут пятнадцать, и мы на месте! – зевнул затейник.

И, действительно, через четверть часа спустившиеся с очередной горы автобусы остановились в двадцати метрах от воды.

На берегу

Все высыпали на твердую почву, хотя вру, не все. Остались водители и Леопольд Тушканчиков, начохрани (на крыше).

Оставив свои вещи в салонах («а пусть автобусы подъедут поближе, мы не железные»), туристы кинулись к реке. Хороша водичка! А пейзаж!!

Воистину места выглядели феерично: ярко-синее, кое-где приправленное белоснежными облачками небо; хрустальная, переливающаяся гранями бриллиантов на порогах вода; матово-серые скалы, испещренные глубокими трещинами, на которых гнездились сосны и березы; разноцветные галечные наносы с пышными островками болотной травы. Воздух, о-о-о! Журчание потока! М-м-м!! Всё создавало ощущение сказочности происходящего.

На берегу компанию сплавщиков поджидало трое провожатых. Из местных. Молодые парни: Валериан, Тимоха, Питирим. Нанятые турагентством. Сезонные сотрудники. «Змееловы», одним словом. А не исключено, «змеи». Тимоха к тому же назвался поваром.

Ребята деловито готовили катамараны. Двухцветные гондолы-бананы уже были надуты, металлические рамы свинчены. Но было видно, что основную часть работы (обвязку) провожатые припасли для туристов.

– Господа, одни мы и до вечера не соберем! – вскинул руки к небу рыжий парень (Валериан), картинно утирая следы пота со лба.

– Друзья, надо помочь! – издал клич Голясов. – А то они и до завтрашнего утра не управятся.

– Наш вон тот, желто-синий, – кивнул вице-президент и решительно подтолкнул Шуру и Бычкова к катамарану, который был наполовину готов. А ну, живее! Помогайте вязать баллоны. Время пошло!

Кисельков начал споро наматывать шнур на алюминиевые трубки.

Оценив активность студента, Голясов похлопал Шуру по плечу:

– Принимаю в свою команду. Доверяю весло.

Мигель Сабантуевич оглядел остальных копошащихся у гондол туристов: «Да, после утренних возлияний они выглядят, мягко говоря, как сонные мухи. Так мы неизвестно сколько провозимся с монтажом!»

И Голясов направился к автобусам, где начал громко костерить водителей, чтобы те подъехали к самой воде, а возможно, и занялись выгрузкой багажа участников сплава.

Несомненные организаторские способности вищика позволили ему убедить водителей («а то ваши вклады аннулируем»): шоферня стала дружно выволакивать на берег рюкзаки и ящики. А потом и присоединились к сборке плавсредств.

Однако помощи водителей Голясову тоже показалось мало, и он направился к небольшому домику под флагом (похоже, речной инспекции), чтобы мобилизовать всех его обитателей на погрузочно-разгрузочные и сборочные работы.

Используя ранее отработанный методический прием, Мигель Сабантуевич выгнал всю административную братию на помощь туристам.

Но и это число «добровольных» помощников вице-президент «Дуби-банка» посчитал недостаточным, и он стал рыскать по округе в стремлении кого-то бы еще припахать к авралу.

Внезапно Голясов заметил на берегу чум. Да-да! Самый настоящий чум! и он, нисколько не задумываясь, ворвался в него, а затем стремительно выволок оттуда за уши двух оленеводов с Ближнего Севера.

Как выяснилось впоследствии, те, выпив огненной воды у геологов на буровой в верховьях Камы, сорвались со своего пастбища и бросились искать приключений: на собачьих упряжках устроили псиногонки, а оклемались лишь на берегу Чусовой. Поскольку на обратный

путь у них не было ни денег, ни огненной воды, ни собак (съели по дороге), им пришлось обосноваться в долине реки, соорудить чум из шкур мирно пасшихся коров местного фермера и здесь заниматься охотничьим промыслом – в основном, прибираться к рукам «бесхозные» вещи туристов.

Мигель Сабантуевич разыскал в кустах ивняка также пару-тройку рыбаков и отработанным логическим приемом заставил и их включиться в сборочный процесс.

Вот теперь, после полной мобилизации всех людских ресурсов местности, работа действительно закипела.

Через два часа, да, где там, полтора! катамараны были спущены на воду.

Отпустив с миром посторонних, Голясов приказал туристам выстроиться вдоль берега:

– Сколько нас всего должно быть? Двадцать девять плюс три провожатых...

– Я повар! – дистанцировался от остальных Тимоха.

– Хорошо, – внес коррективы в расчеты вице-президент – двадцать девять плюс два провожатых и... повар...

Вице-президент сильно наморщил лоб, а потом, поняв, что дело безнадежное, обратился к Фраерману:

– Алик, посчитай! Почему я всё должен делать сам?

– Тридцать два человека получается, но минус охранник и отец-потеряха, это будет... это будет...

– Тридцать, – подсказал Шура.

– Итого с проводниками и поваром – тридцать человек, – бодро отрапортовал Алик Фраерман, радостно поправляя очки на носу.

Удовлетворенный ответом Голясов продолжил:

– Будем распределяться по суднам! На флагманской посудине, кроме меня и вот этих двух парней (Шура с Бычковым), будут: начохраны Тушканчиков, кстати, где он?

Тут все вспомнили, что в суматохе забыли Леопольда на крыше одного из микроавтобусов.

Главного барристера, непришедшего в себя даже после утомительной дороги, бережно сняли (да просто обрезали транспортировочные ремни, сам упал на землю) и также погрузили на флагманский катамаран. Правда, предварительно стащили с него верхнюю одежду и аккуратно запаковали (комом) в один из рюкзаков. Кроме того, пистолет который он сжимал окаменевшими пальцами (разжали с помощью гвоздодера), засунули сзади в плавки. Чтобы оружие не провалилось внутрь и там чего-нибудь не отстрелило, прикололи спусковую скобу к плавкам английскими булавками.

– Для порядку, – откомментировал манипуляцию Бычков, глядя на изумленную физиономию Шуры.

– Я стану присматривать за ним, – успокоила туристов жена Леопольда, неизменная спутница мужа на всякого рода неформальных банковских мероприятиях.

– Да, Элеонора тоже в моей команде. Само собой, мой водитель Симон Вехотко с дочерью. Кроме того, – Голясов критически осмотрел всю тусовку и остановил взор на аниматоре, – вот ты, пузочес, в смысле, гитарист. Люблю музыкалку...

Затем вице-президент повернулся в сторону проводников.

– Эй, рыжий, как тебя? – обратился он к одному из провожатых.

– Чавой-с?

– Как кличут? – ткнул мизинцем, унизанным перстнем с драгоценным камнем, в живот одного из местных Голясов.

– Валериан.

– Ты, рыжий дрищ, я смотрю, самый шустрый из местных и самый высокий, а посему назначаешься аквилифером-флагоносцем банка. Твоя почетная обязанность, помимо всего

прочего, развеять флаг, когда будем обгонять чьи-либо суденышки или когда увидим на берегу каких-нибудь туристов. Доверяю! Цени!.. Алик (обращаясь к экономисту Фраерману), посчитай сколько людшек получилось в нашей команде?

– Так... итого... как мы уже знаем, вместе с проводниками у нас должно было быть тридцать два человека на четыре катамарана. Число тридцать два делится на четыре... без остатка по арифметическому признаку деления! Тогда на каждый... Тогда на каждый получается... получается по восемь ноль-ноль, – моментально в уме сделал расчеты Фраерман, пряча очки в нагрудной карман.

– Это в идеале, но мы же кого-то одного не дождались, другой попал в вырезатель, сопровождая экзальтированного «попутчика», – заметил начальник отдела ценных бумаг Валера Сутягин. – Получается в наличии тридцать носов.

– Тогда... Три, нет два, нет один... нет два по восемь, и два... нет, три... нет, два по семь ноль-ноль, – произвел сложные математические вычисления специалист фондового рынка. Отчего голова у него раскалилась до красноты (хотя, не исключено, от июльского солнца).

– Жаль, компьютера нет, в уме считать сложно, – пояснил он окружающим, периодически доставая из кармана очки в роговой оправе.

– Эх, арифметик! Я же тебя просил сказать мне количество участников в моей команде. Придется сделать это самому, – и Голясов стал, периодически сбиваясь, загибать пальцы.

– Не получается на этой жаре! – расстроился он после трехминутного счета.

– Можно мне? – проявил инициативу Кисельков и быстро назвал цифру. – Девять.

– А ты мне, шкворень, нравишься всё больше и больше! – хлопнул по плечу Шурана вице-президент.

– Тогда на остальные получится по семь! – откликнулся Алик Фраерман, воспользовавшись алгоритмом теории графов...

«Не многовато ли Мигелю секьюрити?» – зашушукались между собой остальные туристы.

– У нас имеется еще один охранник – Гурген, – разрулил тему Голясов, уловив роптание толпы, – тот всегда начеку (Гурген впоследствии сказал: «Мне такая служба до... уйду в участковые, там народ душевней!»). Он будет на третьем катамаране, охранять наши тылы... Итак, на втором катамаране будет... обязательно доктор Гогуа Ревазович. Ему я доверяю свое бесценное здоровье. Извини, Гога, десятым взять не могу, перегруз, утонем... И... главбух Янина Люциферовна. Остальные... распределяйтесь сами, кто с кем хочет.

Через полчаса торгов и компромиссов состав команд, в принципе, определился.

При этом выяснилось, что на четвертом катамаране зарегистрировалось лишь шесть человек женского пола.

Надо было как-то определиться с седьмым.

Мигель Сабантуевич обратился к одному из провожатых:

– Ты, муфлон... имя забыл?

– Питирим.

– Слушай, Питюня, айда в четвертую команду! – Голясов чванливо осмотрел состав последнего катамарана. – Берите молодца. Дарю! Он будет помогать вам грести.

– Мигель Сабантуевич, – вспыхнула Хельга Ивановна, известная феминистка Усоля, – а давайте, мы, женщины, докажем, что сможем вынести тяготы речного круиза ничем не хуже, чем остальные смешанные команды. Поэтому выделите нам хотя бы одну женщину в бальзаковском возрасте.

– Как хотите, – сильно обиделся Питирим, рассчитывавший на скорый флирт с молодыми операционистками. – Я эвон лучше с Айболитом поплыву, может, мне пригодится знакомство с ним для поступления в медакадемию.

Услышав еще раз упоминание о себе и про бальзаковский возраст, Гогуа Ревазович, профессор, пригляделся к составу четвертого катамарана: «О-о-о, сколько смазливых молоденьких дивчин! Вот то, что нужно! А нужно разбавить женский коллектив зрелым и мудрым мачо. Плевать на распоряжение вицика: он мне не указ».

И Гугидзе бодренько направился в сторону операционисток.

– Зачем Бальзака-Мальзака? Слюшай! Э-э-э. Совершенно не зачем! Позвольте вам подействовать в упаковке багажа, – витиевато начал Гогуа Ревазович свое внедрение в команду. – Я вижу, у вас существует определенная проблема с такелажными работами.

Операционистки Гузалия, Роксана и Алина кокетливо-приветливо заулыбались южному красавцу, слегка убеленному сединой в висках.

Марина Капудис отнеслась к предложению профессора нейтрально: она была замужем уже почти три года, имела любящего супруга и полуторагодовалого сына Костика, которого по настоятельной просьбе своей мамы оставила на несколько дней в компании своих родителей.

Оценив свои шансы на мужское внимание и не зная о неукротимой всеядности ученого, старшие дамы (Хельга Ивановна Петрова, управляющая Верхне-Зюзюкайским филиалом и Дарина Моисеевна Осетрова, управляющая Куединским филиалом) были непреклонны:

– Раз договорились об исключительно женской команде, значит, договорились!

– Ставим на голосование! – не сдавались молодые операционистки.

Решив, что победу в голосовании при таком численном раскладе будет не одержать: трое против двоих при одной воздержавшейся (Марина), управляющие пошли на военную хитрость:

– Давайте, спросим у Мигеля Сабантуевича (именно с ним было заключено пари, что четвертый катамаран придет к финалу первым, будет абсолютно женским и что наличие мужчины исказит спортивные результаты – эксперимент должен быть чистым).

Голясов округлил глаза:

– Я же распорядился, чтобы профессор плыл за нами.

При этом вицик шепнул профессору:

– Гога, там тоже плывет одна красотка – Света Пупсаренко, знойная штучка!

Гогуа Ревазович в ответ сообщил Голясову:

– Тебе разве, Мигги, не известно, что она племянница самого Квартета! Я пока еще не хочу остаток жизни провести привязанным к какой-нибудь сосне!

Мигель Сабантуевич, понимая, что вероятность приплыть у исключительно женского коллектива значительно выше, чем у кого-либо и в надежде аннулировать результат соревнования при невыполнении главного условия спора, снова обратился к четвертой команде:

– Готов пожертвовать своим здоровьем, уступаю лучшего кадра! Гога, плыви!

Неожиданно на помощь Хельге Ивановне и Дарине Моисеевне пришла дочь профессора Лана Гугидзе, зампомощника главбуха.

Ох, неспроста жена Гогуа Ревазовича направила Лану на сплав, а лишь с единственной целью – присматривать за мужем в семидневном походе, чтобы этот поход не превратился в месячный загул, кои происходили систематически:

– Нет, папуля, ты будешь плыть там, куда тебя многоуважаемый Мигель Сабантуевич определил первоначально! А я на следующем катамаране, чтобы наблюдать за всем происходящим... С тобой!

Далее Лана обратилась к начальнице отдела внутреннего аудита:

– Вика Андреевна, уступите свое место на третьем судне, вам там будет неуютно с ортодоксом Сутягиным.

Мысль о соседстве со скандальным начотдела ценных бумаг показалась главному аудитору просто кошунственной, и она с радостью согласилась на ченч.

По приказу Мигеля все выстроились около своих «корабликов».

Теперь на втором судне оказалось шестеро вместо семи. Кого нет?

В это время на берегу показался водитель одного из автобусов, волоча за собой длинную мачту:

– Забирайте свою антенну! Я обратно с этим «оружием возмездия» не поеду!

– Постойте! Это же удочка Кофейни! А где он сам?!

Все стали оглядываться. Действительно, где Кофейня? Давно не слышно его скрипучего голоса... Вот дела: при сборке одного из катамаранов, провожатые случайно пришнуровали мэтра сантехники к гондоле снизу, причем так туго, что тот не мог произнести ни одного слова, а шум воды маскировал его сопенье! К тому же лицом старпреп закопался в толщу прибрежной гальки.

– Боюсь, сейчас будет «цунами»! – испуганно промямлил Голясов. – Доктор (обращаясь к Гогуа Ревазовичу)! Есть какое-нибудь снотворное или, на худой конец, слабительное, чтобы как-то утихомирить Ивана Поликарповича, когда мы его освободим от пут?

– Есть, есть одно действенное средство в ампулах, «мигнезия», – откликнулся Гугидзе, покопавшись в своем саквояже.

– Тогда сделайте ему укол немедленно, иначе нам всем каюк!

Профессор с радостью воткнул Кофейне лосиную дозу «мигнезии». После чего развязал. Вовремя!

Мэтр одним прыжком очутился в кустах. А оттуда потом долго раздавались крихи и охи.

Пока Кофейня находился под воздействием препарата, туристы быстренько собрали поклажу и разместили ее на настилах...

Оленеводы с севера попытались втихаря увязаться с туристами.

– Ми будем вас шаманить бубном! – умолял старший. – Чтобы погода на всей пути был хороший.

– В июле она и так отличная! – отрезал вице-президент.

– А не возьмете – нашьлем Сиверко Лютого с метелью и снегопадом. Или Хиуса Ленского!

– Испугали слона редиской! – хохотнул Алик Фраерман, причем так сильно, что его очки запотели.

«Слон» в лице Голясова скривился:

– Чем вам тут плохо? Вон полный чум всякого барахла: и мобильники, и магнитолы, и еды всякой!

– У нас нет столько огненный вода. Отдайте ящик три-четыре, тогда отстанем, – парировали северяне.

– Боюсь, самим не хватит, – почесал затылок Голясов, – а нам еще дней десять плыть! Так что цыц, пернатые!

В это время из кустов объявился Кофейня.

– Мы вас очень ждем, Иван Поликарпович: что вы, где вы, как вы? – участливо обратился к Кофейне вице-президент.

– Где, где?! В Уганде! – взвился мэтр сантехники. – Кто-то меня больно укусил в ягоду, пока я лежал ничком, какая-то сволочь, тварь лесная! Чудом выжил в кустах! Боюсь, кусты после этого завянут!

– Или, наоборот, заплодоносят, – пошутил Кисельков.

– Хорошо, что не заметил шприц при постановке укола, – подмигнул Голясов профессору.

– Эта коронка у меня еще с ординатуры выработалась, – похвастался Гугидзе, – способность незаметно подкрадываться к ничего не подозревающему пациенту, чтобы оперативно сделать резекцию желудка или лоботомию.

– Знаю, знаю! Сам испытал на себе, – подтвердил Мигель, ощупывая шов от вырезанного аппендицита. – Но не помню когда!

– Вот и удочка ваша на месте, – обрадовал Кофейню Симон Вехотко, – в целости и сохранности.

Мэтр сантехники бросился проверять свои рыболовные снасти, и его больше ничего не интересовало.

Убедившись в наличии всех припасенных девайсов, Кофейня обернулся к провожатым и задал чрезвычайно волнующий его вопрос:

– Налим тут есть?

– Навалом! – хором откликнулись молодые люди.

– Страсть как люблю его печень. Жаренную. Да с лучком, да с хреном! – мечтательно загнул глаза куда-то в небо мэтр сантехники.

«Вот, значит, в чем секрет долголетия патриарха!» – смекнули туристы.

Катамараны

В общем, пока все устаканилось. Пора подвести итоги.
Итак, приведем окончательный состав команд:

Катамаран 1 «Форвард»

1. Мигель Сабантуевич Голясов – вице-президент «Дуби-банка»;
2. Жорик Бычков – охранник;
3. Шура Кисельков – студент;
4. Леопольд Тушканичков – начальник охраны;
5. Элеонора Тушканчикова – жена начальника охраны, домохозяйка;
6. Симон Вехотко – персональный водитель вице-президента;
7. Настя – дочь Симона;
8. Радик («Маэстро») – аниматор;
9. Валериан – провожатый.

Катамаран 2 «Полузащитник»

1. Иван Поликарпович Кофейня – почетный мэтр сантехнического лицея;
2. Гогуга Ревазович Гугидзе – профессор медакадемии;
3. Янина Люциферовна – главбух банка;
4. Глыба – астролог;
5. Веронесса Матвеевна Бучкова – начальник оперзала;
6. Светлана Пупсаренко – сотрудница кредитного отдела;
7. Питирим – провожатый.

Катамаран 3 «Защитник»

1. Алик Фраерман – экономист;
2. Гурген – охранник;
3. Лана Гугидзе – зампомощника главбуха;
4. Валера Сутягин – начотдела ценных бумаг;
5. Алевтина Жадина – кассир;
6. Эльза Вадимовна Бодябина – старший бухгалтер;
7. Тимоха – повар, провожатый.

Катамаран 4 «Дубышки»

1. Алина Вудрайтис – операционистка;
 2. Гузалия – операционистка;
 3. Роксана – операционистка;
 4. Марина Капудис – замначальника вексельного отдела;
 5. Хельга Ивановна Петрова – Управляющая Верхне-Зюзюкайским филиалом;
 6. Дарина Моисеевна Осетрова – Управляющая Куединским филиалом;
 7. Вика Андреевна Кудряшкина – начальник отдела внутреннего аудита.
- Итого ровно тридцать человек.

После финального построения Голясов махнул рукой: «по коням», то бишь суднам!

– Но сначала произведем салют из бутылок с шампанским с последующим разбиванием пустой тары о борт судна! – зычно объявил Голясов. – Такова устоявшаяся традиция мореходов.

По этому поводу распаковали рюкзак Симона Вехотко и достали из портативных холодильников ровно десять бутылок игристого напитка. Взболтав содержимое, стали стрелять пробками в воздух, целясь попасть в коршунов, которые кружились над водой в поисках халявной рыбы.

И не только в них! Вспомните неувыдающее «Пушки с пристани палят, кораблю пристать велят». Завидев чужой одинокий катамаран, с горсткой женщин, проплывавший мимо, сплавщики стали пулять и по нему. Однако попали в катер рыбнадзора: снесли фуражку старшего лейтенанта и разрушили японский мотор «Тохацу».

Потом в новостных блоках напишут: «Браконьеры из стрелкового автоматического оружия и гранатометов буквально изрешетили водный патруль».

Весь салют сопровождался бурными возгласами: «Виват, „Дуби-банк“!»

Но обо что бить пустые бутылки?

– Не дам загаживать реку! – грозно гикнул мэтр сантехники. При этом он рачительно прибрал отстрелянные корковые пробки – для последующего изготовления из них рыбацких поплавок.

Все дружно, кроме Киселькова, выпили по кружке-две пенного напитка, чокаясь между собой.

Пустые бутылки отдали оленеводам. Возможно, им удастся их сдать в пункт приема стеклотары.

«Подарком» те остались недовольны.

– Всё-таки стоило разбить хотя бы одну, – посетовал Алик Фраерман, теребя пальцами очки, – а то век фортуны не видать!

Первый заплыв

После «причащения» туристы последовательно, в порядке нумерации столкнули катамараны с галечного пляжа и их тут же подхватило бурное течение.

Сразу стало ясно: веслить умели далеко не все.

Поэтому Радик, оказавшийся помимо аниматора еще и специалистом по гребле на байдарках, потребовал у банковских пристать к берегу для проведения инструктажа.

После часового маневра катамаранам удалось это сделать.

– Вы говорили, что каждый год сплавляетесь. Это шутка? – скривил губы аниматор.

– Почему?

– Потому что не заметил ни умения плавать, ни тем более собирать катамаран. Кто в лес, кто по дрова!

Эльза Вадимовна, старший бухгалтер, держа в одной руке палитру с акварельными красками, в другой весло, вспыхнула как спичка и стала оправдываться:

– Нынче совершенно другая команда – раз! В основном, непосредственные подчиненные вице-президента. Из ветеранов только Дарина Моисеевна, Хельга Ивановна, Алик Фраерман и я. Раньше нам придавали восемь проводников: по два человека на каждый катамаран, опытных спортсменов-каноистов, штатных сотрудников «Змеелова», которые и собирали плавсредства, и сидели всю дорогу на веслах. В этот раз турфирма изрядно сэкономила, хотя мы и заплатили за путевки в полтора раза больше: выделили лишь троих желторотых сопляков – два! Кроме того, за год многое подзабылось. Не думайте, что мы только и делаем, что «плаваем» дома на диванах или экспериментируем в джакузи – три!

Доводы бухгалтерши были весьма убедительны.

К слову сказать, Шуран на катамаране плавал впервые. До этого приходилось пару раз кататься на плоскодонках. Там удобные лавочки, а здесь... Сел, раскорячившись на угол 150°, на камеру катамарана. Ходи потом, как заправский кавалерист, ноги трубочкой.

К тому же под ногой из рамы торчал какой-то винт, больно впившийся в лодыжку.

Не то это, не то! Шура вспомнил, что однажды ему уже приходилось сплавлять по речке. Правда, это происходило два года назад, сразу после вступительных экзаменов.

Резинка

Действо развернулось вместе с Лехой-старшим (поступали одновременно).

Тот с отцом поехал на утиную охоту, а заодно пригласил с собой Киселькова.

В багажнике машины у них лежал большой черный сверток, типа рюкзака с плечевыми ремнями – упакованная в чехол резиновая лодка.

– Давай, пока отец шмаляет в зарослях, прокатимся по речке вниз по течению, – предложил Леха-старший. – Клевый променад! Легкотня!

– Я, между прочим, пострелять из ружья приехал, а не на регату, – резонно заметил Шуран.

– Да ты, наверное, и плавать-то не умеешь, раз боишься? – подковырнул Киселькова приятель. – К тому же отец, пока выберет место для охоты, расчехлит ружье, проверит снаряжение, часа два уйдет. А мы мигом обернемся. Одна нога тут, другая – там!

– Раз так, поехали!

Студенты схватили мешок с лодкой и отправились к речке.

Недалеко от мостика был хороший подход к воде. Галечник. Заросший кое-где осокой и калужницей.

По зеркальной глади воды шустро шныряли водомерки.

На полянке подле русла друзья распаковали лодку, надули ее ножным насосом, который был в комплекте, прикрутили весла, сиденья и спустили лодку на воду.

У берега было мелко, да и сама река, скорее, речушка, была шириной метра три. Поэтому одному следовало сесть в суденышко, а другому толкать ее и запрыгивать с разгона.

Поскольку толкачом лодки, естественно, был Шура, а поехал он в джинсах и рубашке с коротким рукавом, то при запрыгивании на борт ноги у него разъехались, и Кисельков рухнул в воду.

– Ничего себе начало! – завопил Шура (*слова изменены, прим. автора*).

– А что ты хотел? С водой шутки плохи! – со знанием дела отчеканил Леха-старший.

Вымокший до нитки Кисельков кое-как забрался в посудину.

Хорошо, что августовский день был на редкость жарким и студент надеялся быстро обсохнуть на солнышке.

Речка выглядела не глубокой, но быстрой. Течение закрутило лодку так, что весла просто не справлялись с управлением.

– У меня уже голова закружилась. От этой карусели! – пожаловался Шура. – Весла здесь не помогут.

– Ты фатально прав, так мы никуда не вырулим. Лучше взять какие-нибудь шесты, – сквозь зубы процедил Леха и, воспользовавшись моментом, ловким движением тела выбросил нос плавсредства на прибрежную гальку. – Тем более что из воды и под водой торчат всякие острые ветки затонувших деревьев. «Резинку» порвем в два счета, а это капец! – подытожил он.

Минут через пять пребывания на берегу и рыскания по прибрежным зарослям друзья отыскали два достаточно длинных, тонких и прочных ствола выброшенных бурей деревьев. Обломали лишние ветки, и получилось то что надо.

– Смотри-ка, в весле трещина, – потянул за рукав футболки Леху Кисельков.

– Дьявол! – ругнулся приятель. – Теперь еще и от отца влетит! Лодка-то была совершенно новая. С иголочки. А теперь?!

– Возможно, это заводской брак, – попытался успокоить однокашника Шура.

– Да нет! Это я, скорее, веслом за корягу зацепился, – возразил Леха-старший. – Черт с ним, придется в магазине купить новое.

– Давай, вернемся назад, пока не поздно! – заныл Шура.

– Против течения?! Ты видел, как нас несло? А по берегу? Смотри, сплошное болото! Тут и в броднях не пройти! Придется всё-таки проплыть немного вперед и найти удобное место для высадки – рассудил первокурсник.

– Твоя правда, – согласился Шура.

Теперь уже Кисельков первым забрался в лодку (одежду он выжал и разложил на резиновых бортах, чтобы быстрее сохла), а Леха столкнул суденышко и потом ловко запрыгнул в него. С помощью двух шестов управлять лодкой получилось значительно проще.

– Ты смотри вперед, чтобы вовремя разглядеть коряги, а я буду контролировать пространство сзади, дабы не напороться на них кормой, – скомандовал Алексей.

Не с первого раза, но получилось.

Научившись лавировать посудиной, Кисельков, наконец-то, внимательно огляделся вокруг.

– Настоящая Амазонка! – восхитился Шура местным колоритом. – Верховья.

Действительно, вода за бортом была мутно-бело-сине-зеленая. Дна не видно. Лишь в отдельных местах на мелководье обозначались контуры разноцветных галек.

Периодически из глубин фантомами показывались темно-коричневые или черные ветви затопленных деревьев. Или вдруг волшебным образом возникал ярко-зеленый роскошный куст водорослей (скорее всего, роголистника).

Берега речки густо заросли тенистыми деревьями, через которые только кое-где искрились лучи солнца.

– Ага, Амазонка! Здесь только крокодилов не хватает и пираний, – поддакнул Шура.

– Да и рыбы что-то не видно, поди, сожрали ее эти твари, – подметил Кисельков.

От этих мыслей стало неприятно на душе. Однако день был солнечный, и грустные мысли также быстро исчезли, как и появились.

Через несколько минут друзья достаточно уверенно маневрировали лодкой, умело уворачиваясь от коряг.

Неожиданно перед речкоплавателями вырос перегородивший воду ствол упавшего дерева толщиной не менее полуметра.

– Как будем преодолевать препятствие? – деловито осведомился Шура.

– Оно висит сантиметров в шестидесяти над водой. Предлагаю залечь на дно и проплыть под ним. Однако нужно точно подрулить к свободному промежутку между ветками, чтобы не напороться на них.

Несколько сложных зигзагообразных движений, и студенты точно вошли в свободный зазор.

– Ювелирная работа! Скажу я тебе! – восхитился проделанной операцией Леха.

– Еще чуть-чуть и от лодки остались бы одни лохмотья! – перевел дыхание Кисельков.

В следующих аналогичных ситуациях лодку стали пропускать под деревьями, а выправлять ее курс шестами, сидя на поваленных стволах. Затем сверху плюхались в резинку...

В одном случае ни снизу, ни сверху преодолеть затор не удавалось. Лежало несколько поваленных деревьев, причем елей. А они сучковатые! О-ё. Тогда, не долго думая, протоптали тропинку по берегу в зарослях крапивы и бражника. И протащили лодку между деревьями. Всегда найдется выход из положения! Затем, миновав участок с перегородившими русло деревьями, обнаружили более-менее приемлемый подход к воде и стали аккуратно спускать суденышко вниз.

Первым в лодку забрался Леха. Следом попытался Кисельков.

И тут Шура навернулся в воду второй раз: поскользнулся на висящем над водой корневище. Хорошо, что у берега оказалось мелко. Но одежда снова сырая. Шура еще раз дал волю чувствам.

...Речка сделала крутой поворот. За ним глубокий омут. Шесты едва доставали дна. Проплыли и этот участок, орудуя шестами, подобно веслам. Подходящего места для высадки как не было, так и нет. Справа галечный берег и заросли водного лопуха. Слева или непролазный лес, или крутояр.

На перекате сели на брюхо: ни вперед, ни назад. Что ж, сняли кроссовки, подняли лодку над водой и перетащили ее на руках по берегу. Прошли метров тридцать, можно снова спускать «корабль» на воду. Выплыли на прямолинейный участок. Вода практически застыла. Спор какой-то.

Проплыли метров двадцать вперед. Берег слева высокий. Идет на понижение. Еще несколько гребков и можно десантироваться.

– Не нравится мне это место, – негромко буркнул Леха-старший. – Что-то внутри заглодило.

– И мне, – в тон ему ответил Шуран. – Жуть жуткая!

– Видимо, выделение болотного газа. Галлюциногена.

Друзей обуял беспричинный страх и они, словно стоворившись, развернули лодку и принялись махать шестами, чтобы вернуться обратно. Прибились к берегу. Пусть он в этом месте был достаточно высокий. Ну и глубина воды – метра полтора. Прижались к самому обрыву. Один стал упираться шестом в дно, другой (Шура) в это время запрыгнул на береговую кромку.

Сложнее было второму, Лехе. Пока он примерялся к десантному броску, лодка чуть-чуть отъехала. Когда же парень оттолкнулся ногой от борта, резинка отплыла еще дальше, поэтому студент не достиг берега, а столбиком ушел в прибрежный ил. Запачкался грязью с ног до головы. Зато составил компанию Шуре.

После ставших уже за это путешествие традиционных проклятий выполз на сушу. За привязанную веревку вытащили и лодку. Увидели невдалеке, метрах в трехстах, машину Лехино отца.

– Давай напрямик, не сдувая баллоны. Ты спереди, я сзади.

Низина впереди болотистая, трава в человеческий рост. Цепляется за одежду, как лианы за деревья.

Нести лодку оказалось делом весьма нелегким. Каждый шаг давался с большим трудом. Плюс под ногами сплошные скользкие кочки. В нос то и дело лезли перезревшие летучие семена. Уже почти вышли, и тут Кисельков в третий раз провалился в какую-то глубокую яму. По пояс. «Хет-трик», одним словом. Нервы окончательно сдали.

– Бросай эту чертову лодку, чтоб глаза ее мои больше не видели! – рассвирипел Шуран.

– Ага, бросай! Тебе легко говорить, а мне за нее отец голову оторвет! – захныкал приятель.

Кисельков присел на кочку. и то, правда! Нелепо было заканчивать только что начавшуюся дружбу с однокурсником из-за какого-то резинотехнического изделия.

...Что ж, после кратковременной передышки продолжили путь.

«Больше я на эти сплавы ни ногой!» – решил тогда Кисельков для себя. И вот теперь снова попался. На ту же самую удочку. А всё потому, что через некоторое время бывшие приключения приобретали романтический флер, и с каждым годом казались всё более захватывающими воображение. Особенно, после рассказов о сплаве своим сокурсницам, когда Шура ловил на себе их горящие взгляды.

Леха-старший, получив сильнейшую взбучку от отца, пообещал тому ни при каких обстоятельствах больше не прикасаться к резинке, так как она получила повреждения в семи местах (это всё сучья, гальки и заросли)! Отверстия обнаружились не сразу, а во время следующей охоты на уток, когда Лехин отец чуть не затонул со всем скарбом на середине болота – воздух из баллонов улетучился в самый разгар стрельбы.

Правда, сам Леха считает, что лодку умышленно проткнул приятель отца, дядя Жора, чтобы стать бесспорным фаворитом утиной охоты. Но это не доказано!

В этот раз Шура решил даже не заикаться другу о предстоящей поездке, чтобы не вызвать бурной и непредсказуемой реакции...

Инструкция по плаванию

– Чувствую, нам придется плыть не три дня, а минимум – неделю, включая ночное веселение, – сокрушенно вздохнул затейник.

– Исключено! – забрюзжал Кофейни. – Давай, учи, чертяка!

– Во-первых, весло – это вам не столовая ложка! – заявил Радик и показал, как нужно правильно держать спортивный инвентарь в руках. – Вы пытаетесь черпать воду, будто это суп в тарелке, а не грести. И не отталкивайтесь веслом ото дна, что я наблюдал у большинства мужчин. Дно не всегда бывает в пределах доступности, посему рискуете просто свалиться в воду. Кроме того, при попадании весла в камень высока вероятность его повреждения. А лишних весел у нас нема! Во-вторых, почему многие сели лицом к корме. Я, конечно, понимаю: вам до чертиков надоело лицезреть заплывшую жиром рожу Мигеля, что он и так вас укатал на работе, но по науке вы должны смотреть куда плывете, а не в ту сторону, откуда приплыли.

Голясов аж позеленел от «сочности» эпитетов, которыми его наградили аниматор. Но и Радика можно понять: он еле сдержался, когда ранее вицик обозвал его «пузочесом», чтобы не навернуть тому по кумполу корпусом гитары.

– В-третьих, – продолжал затейник, – почему на одном банане сидят трое с веслами, а на другом – никого? В результате катамаран просто крутится вокруг своей оси. Запомните, олухи царя небесного, с каждой стороны должно быть одинаковое количество гребцов, причем грести они должны в одну сторону, а не навстречу друг другу или, наоборот, в разные стороны!

– Что ж ты сразу, чума, не предупредил, что это не так просто! – воздел руки к небу Валера Сутягин. – Мы хотя бы проштудировали соответствующую спортивную литературу.

– При вашем уровне сообразительности вам, господин хороший, на это потребовалось бы года три-четыре, второе высшее, так сказать, получить.

– Я привык всё делать основательно, не с кондачка, – надул губы финансист, теребя пальцами ухо. – Поработай, шустряк, в банке, узнаешь цену любой маломальской ошибки!

– Да, плавать многие умеют? – подозрительно оглядел Радик туристов.

– Что за вопрос? Конечно, умеют, иначе бы не поехали! – ответила за всех Алевтина Жадина.

– Смотрите-смотрите! А то лучше на всякий случай надеть спасательные жилеты.

– Держитесь за главного, оно всё равно не утонет! – хохотнул Питирим, явно намекая на надутое воздухом и жиром пузо Голясова.

Все украдкой посмотрели на реакцию вицика. Тот сделал несчастное лицо: слишком, слишком много недоброжелателей! Могут и скинуть незаметно за борт...

После подробного разбора полетов затейником дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

Первым отчалил от берега катамаран вице-президента.

На веслах: справа Шура (спереди), сзади Симон; слева Бычков и Радик. Валериан стал махать флагом банка, Элеонора – сачком, а Настя – рукой оставшимся на берегу сотрудникам речной инспекции, водителям автобусов, рыбакам-любителям и оленеводам. Голясов же сидел, как истукан – языческое божество и смотрел немигающим взглядом на удаляющийся берег.

Ему вообще показалось, что провожающие на берегу не сильно радовались помпезному отплытию туристов и, скорее, угрожающе потрясли кулаками вдогонку сплавщикам, чем желали «семь футов под килем» (что и было на самом деле)...

Вскоре катамараны подхватило сильное течение. И буквально минут через пятнадцать «гостеприимный» берег скрылся за поворотом.

Тем временем на галечный пляж сверху с горы выехала еще пара автобусов. Какая-то другая организация, очевидно, такая же жертва рекламы агентства «Уральский змеелов».

Гонки

На втором катамаране команда пришла в некоторое замешательство. Несмотря на то, что также гребли четверо: Гогуа Ревазович, Глыба, Светлана Пупсаренко и Питирим, суденышко безбожно отставало от первого. Вот уже команда Голясова скрылась за таинственным поворотом.

– А нам еще до них ого-го! – горестно вздохнул астролог.

– Че бренчите веслами, как сонные мухи? – негодовал Кофейня.

– Сам «побренчи», старый пенътиум! – огрызнулась Светлана.

– Если бы я был лет на сорок помоложе, то разговор бы был иным! – обнажил вставную челюсть Иван Поликарпович.

Перебранка между туристами продолжалась минут пятнадцать, пока катамаран также не вошел в поворот.

Голясов, в свою очередь, увидев, что команда Кофейни снова появилась в поле зрения, тоже выразил свое недовольство скоростью передвижения:

– Что-то нам никак не удастся оторваться от остальных! Пора провести ротацию кадров. Валериан! Хватит акробатических этюдов с флагом, замени Симона. Симон – Радика, Радик – давай что-нибудь браваурное на своей балалайке! Я же займу наблюдательный пост с удочкой на корме, – заявил вице-президент.

Затейник затянул строевую «Через две зимы».

После кадровой перестановки и использования «психостимулирующих» факторов катамаран действительно пошел на отрыв.

Видя такое непотребство, Кофейня в конце концов не выдержал:

– Придется действовать старым дедовский способом!

Иван Поликарпович воспользовался классическим приемом, позволяющим аутсайдерам не отставать от фаворитов в любой гонке: будь то биатлон, велоэстафета или спортивная регата. Он решил просто зацепиться за флагман с помощью своей эксклюзивной удочки.

Кофейня встал на алюминиевую раму, широко расставив ноги. После чего ловко метнул леску с крючком и грузилом в сторону флагманского катамарана. Ловко – не значит, точно! Крючок зацепился за сосну на вершине скалы. Старый мэтр резко дернул удилище в надежде оторвать крючок вместе с веточкой хвои. Не тут-то было. Поддалась вся сосна, а за ней и скала. Они упали синхронно, вместе. Перегородив реку. Это затор! Преграда! Финец!

Ждать пока вода превысит верхний бьеф образовавшейся плотины? Нет, не таков старый мэтр!

– Теряем темп! – взревел Кофейня. – А ну, живо перетаскивайте судно через камни!

– Это вам не больничный судок, – резко обрезала мэтра Светлана Пупсаренко, – а мы не сестры милосердия!

Ей такая вольность была разрешительна, ведь она – племянница самого Саши Квартета, авторитетного бизнесмена и главного попечителя лица, с которым у Кофейни были доверительные отношения.

– Светлана, не вас лично имел я в виду, – сменил гнев на милость Кофейня, – а вон этих лоботрясов.

И он схватил железными пальцами главбуха Янину Люциферовну и профессора медакадемии Гогуа Ревазовича. Последний послушно принял на себя гнев старца в виде хлопанья ладонью по голове. И только в такт чувствительным шлепкам виновато прижимал голову к плечам, и это у него превосходно получалось!

Но с Яниной скандалёр явно ошибся. Та была дама не промах и столкнула Кофейню в воду вместе с его спесью.

Мэтр, отплеываясь от попавшей в горло воды, вынырнул метрах в десяти (снесло течением), но зато как раз рядом с зацепом.

– Эврика! – ругнулся он по-гречески и освободил застрявший в кроне крючок.

К этому времени его катамаран также прибил к сосне.

Глядя на удаляющийся флагман, Питирим занервничал:

– Уходят, барракуды!

– Не бойсь, паря, догоним этих пузатых! – успокоил провожатого Кофейня и сделал короткую паузу задумчивости.

– Эврика! – ругнулся он опять и, проведя в уме какие-то сложные расчеты, добавил. – Сейчас, друзья, я вновь сделаю дальний заброс, первый был пристрелочным, в этот раз промах стопудово исключен.

И верно, со второй попытки крючок зацепился за большущий рюкзак, на котором сверху уютно пристроился аниматор. В начальный момент пловцы на переднем судне почувствовали резкий толчок, но связали его с наездом на подводный камень. Радик же, восседавший на заарканенном рюкзаке, чуть не выронил гитару из рук, но был так увлечен своим репертуаром, что не обратил никакого внимания на сместившийся багаж.

– Теперь вы все дружно орите главному в тельняшке: «Догоняем! – огласил следующий шаг Иван Поликарпович. – Он попытается оторваться, а нас от евонной „поллундры“ одновременно перекинет через дерево».

Отличная идея! Так и сделали.

При возгласах «догоняем» у Голясова случилась истерика.

Он начал неистово хлестать веслящих своей бамбуковой удочкой. Боль в сочетании с азартом сделали свое дело: катамаран резко ушел вперед. Но так же резко выбросило из-за упавшей сосны катамаран с Кофейней и его командой.

Суденышко удачно приземлилось в тридцати метрах от флагмана. Правда, при этом разогнулся крючок на «леске» Кофейни и второй катамаран снова снизил темп, двигаясь лишь по инерции.

– Ничего! – приободрил всех старый мэтр. – Во время зеленой стоянки мы надежно привяжем флагманское судно за раму моей бесцветной леской, которая в приспущенном состоянии совершенно незаметна для окружающих и периодически будем натягивать ее, чтобы держать требуемую дистанцию...

После солидного отрыва от остальных суденышек Голясов смягчился. Он ткнул пальцем в плечо Тушканчиковой:

– Леонора! Теперь твоя задача отгонять комарьё и ловить сачком мне наживку на удочку: кузнечиков, мотыльков, стрекоз. И подвжись платком, а то на фоне твоей копны флаг банка совершенно не смотрится... Симон, а ты всё-таки поглядывай периодически на Кофейню, чтоб снова ничего не вытворил за моей спиной.

– За вашей спиной?

– Так вы же сидите к нему лицом!

– Это я сказал фигурально. Я наблюдаю за своим поплавком, к тому же мне не доставляет особого удовольствия созерцать унылую рожу старикана... Бычков, а ну, сунь голову в реку, посмотри, где там рыба тусуется!

Жорик погрузил голову в воду и стал ей вертеть во все стороны, пытаясь определить количество плотвы и окуней.

– Ох, ты рискуешь, паря! Ох, ты рискуешь! – опасно воскликнул Радик, когда Бычков вытянул голову наружу, чтобы сделать глоток воздуха. – Какой-нибудь безбашенный сом сочтет твой баклажан за наживку и заглотит внутрь! Лучше прыгай в реку и веди разведку в режиме полного погружения.

– Бестолочь! – согласился вице-президент. – Ничего доверить нельзя! Хотя что так (с головой), что этак – всё одно!

– А ты че пузо оттопырил, студент? Давай, помогай другану, – и Голясов пятерней столкнул Шуру в воду. – Как там молодь? Рыбные запасы? А?

– Что делать Насте? – спросил Симон.

– К Насте у меня поручений и претензий нет. Пусть загорает. Она своей яркой внешностью уже по факту поднимает имидж нашего финансового учреждения!

– Валериан! Рыжий! Снова к флагу и не зевай! Не зевай! Кому говорю! Вон на берегу маячат чьи-то палатки. Давай, маши им, создавай рекламу!..

Второй катамаран стал заметно отставать от первого. Но это не означало, что Кофейня смирился с поражением: он просто выжидал удобного момента и тот вскоре представился...

На третьем катамаране в это время тоже происходили некоторые события.

– А наши девчонки сильно запаздывают, – ткнула Лана Гугидзе в бок Валеру Сутягина, оглядываясь назад и показывая на отсутствие четвертого катамаран в зоне видимости. – Такими темпами они вообще не доплывут до города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.